

Э. А УСОВСКАЯ

Белорусский государственный университет

**ЯПОНСКАЯ КУЛЬТУРА ГЛАЗАМИ
М. МИД И Р. БЕНЕДИКТ**

Предметом исследования статьи является подход школы «Культура и личность», предложенный М. Мид и Р. Бенедикт к исследованию специфических черт национальных культур, в частности японской культуры. Специфика японской культуры рассматривается через выявление ее базовых паттернов – «обыкновений», которые пронизывают все сферы жизни, культуры и общества. Наиболее значимым из них представляется долженствование.

Ключевые слова: культура, подходы к исследованию культуры, школа «Культура и личность», М. Мид, Р. Бенедикт, японская культура, паттерн, долг, поэтическое мышление.

Одной из ключевых проблем культурологии является выработка определенной методологии исследования культуры в онтологическом смысле и на уровне этно-национальной специфики – уникальности базовых паттер-

нов и их феноменов. Можно сказать, что эта проблема является актуальной на протяжении практически всего XX в. и не теряет своего значения и в настоящее время. Многослойность, интер- и гипертекстуальность, «антропологичность» культуры позволяют к ней применить разные исследовательские стратегии, включающие и группу исторических, и психологических, и социологических, и иных методов. Однако вопрос касается предмета изучения, вернее, того, что и как следует изучать в культуре, исходя из какого подхода следует проводить исследование. В настоящее время общепринятой парадигмой при исследовании национальной, этнической культуры является этнорелятивизм и принятие межкультурных различий как необходимой и объективно существующей данности. Методы исследования культуры как способа человеческого бытия и конкретных культур зависят от установки на понимание сущности культуры, ее роли. К сожалению, рассмотрение культуры как побочного продукта экономики или социально-экономической, политической жизнедеятельности остается преобладающим. В массовом сознании и даже на государственном уровне культура выглядит как развлекательный или художественный сектор, который призван в лучшем случае стать брендом города, деревни, страны, репрезентирующим своеобразие национальной/этнической культуры. Культура часто сводится к искусству и литературе, к их практикам.

На самом деле, если уместно так говорить, культура, национальная/этническая культура – всегда очень слож-

ный результат пути, собственного сценария, который вырабатывается человечеством в целом и человеческими сообществами в частности с целью адаптации к окружающему миру (природе и себе подобным – людям). Этот результат находит выражение в базовых конструктах, которые являются уникальными и делают культуры уникальными. В то же время универсальные культурные архетипы им также присущи. Суть этих конструктов, ценностных паттернов, выражается в ментальных моделях, в артефактах, поведении и т. д.

Культура каждого народа призвана решить целый спектр проблем и в этом отношении служит своего рода ответом на вопрос о смысле бытия. Как полагают Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тёрнер, «решения трех универсальных проблем, которые на повседневном уровне стоят перед человечеством, позволяют выявить отличия одной культуры от другой. Эти проблемы – отношения людей друг с другом, со временем и с природой – одинаково свойственно всем людям...»¹. Способы и результаты решения этих проблем зависят от тех самых глубинных ценностных индивидуальных культурных паттернов, которые могут понять, почему люди думают, делают, поступают именно так, а не иначе.

На основе такого подхода (пунктирно изложенного) во второй половине XX в. были выстроены ценностные

¹ Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск: Попурри, 2012. – с. 65.

стратегии исследования культур, в частности, Клакхон–Стродтбека, Г. Хофстеде, Э. Холла и многих других ученых. Интерес Европы и США к культурам так называемого Востока был вызван рядом причин и не только экономического характера. Более или менее стабильное существование человечества зависело от межкультурного понимания, верно выстроенной коммуникации между культурами и странами. В 1950–60-х гг. и далее внимание культур друг к другу и к самим себе только возрастало. По мере продвижения к концу XX в. стало очевидным, что культуры, отличные от «западной» модели, ни хуже и ни лучше её – они *другие*. Более того, культуры Европы отличаются между собой, а межкультурные различия в «восточном» культурном пространстве не менее явны. Место расового, национально-этнического «центризма» заняла позиция равноправного (насколько это возможно) сосуществования и культурного плюрализма.

Однако вышеизложенная гуманистическая стратегия исследования и отношения к другим культурам выработалась далеко не сразу. Этот тезис касается и западных ученых, и не западных специалистов. Настоящий прорыв, как нам представляется, в исследовании *других* культур был осуществлен Британской и Американской школами культурной (социально-культурной) антропологии. Несмотря на некоторую абсолютизацию функционально-институционального и психологического факторов в объяснении специфики культур, они положили начало

научному обоснованию уникальности культур и поиску причин этой уникальности. Так, Ф. Боас в поисках ответа на вопрос о межкультурных различиях и культурном сходстве пришел к выводу о необходимости исследования культуры как целостности, объяснить своеобразие которой возможно только исходя из нее самой, с максимально возможным избеганием экстраполяции собственных культурных убеждений на изучаемую культуру. Более того, отличия между культурами, как показал ученый, не обусловлены принадлежностью их носителей к определенной расе.

Последователи исторической школы Ф. Боаса, представители этнопсихологического направления, или школы «Культура и личность», стремились доказать взаимообусловленность культуры, психологии и индивида. По сути, к исследованию культуры стало применяться психологическое измерение. Это значит, что культура раскрывается через психологию личности, через ментальное поле культуры. Здесь, как нам представляется, можно отметить сходство с методологической стратегией Школы «Анналов».

В поле зрения ученых находились проблемы межкультурной коммуникации, а также вопросы влияния вестернизации так называемых западных экономических моделей на паттерны разных культур. Эта проблема изучалась во взаимосвязи с определением базовых уникальных моделей национальных/этнических культур. После

Второй Мировой войны и в период активизации взаимодействия между Европой, Америкой, Азией и Африкой, а также во время процессов деколонизации вопрос о том, что делает культуры неповторимыми был актуализирован.

Одним из ученых, чье внимание было сосредоточено на теме оригинальности культур, является Маргарет Мид. Она была одним из тех исследователей, кто активно пропагандировал идею культурного разнообразия и культурной уникальности. Полевые исследования, которые она неоднократно проводила, позволили получить богатый научный материал.

Мид справедливо полагала, что культура и воспитание представляют собой ключевые факторы формирования личности. В моделях воспитания, как она считала, заложен ценностный комплекс той или иной культуры. В связи с этим трансляция социокультурного опыта с помощью воспитания есть процесс усвоения национального своеобразия, идентичности ². Эта идея стала основополагающей и для Рут Бенедикт в ее исследовании культуры Японии.

Культурный взрыв в виде разного рода технологий и инокультурных влияний может менять модель воспитания, а значит, усвоение культурных ценностей, базовых паттернов поведения. Эту обеспокоенность Мид высказывала в отношении ряда культур и стран после Второй Ми-

² Усовская, Э. А. Культурно-антропологические школы США / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2009. с. 44.

ровой войны, когда менялся их облик под воздействием масс-медиа, научных инноваций, тенденций глобализации. В книге «Культурные паттерны и технические изменения» она изучила возможность последствий подобного влияния на Грецию, Нигерию, испаноязычное население США, Юго-Восточную Азию и пришла к выводу, что паттерны и ментальное здоровье людей могут существенно меняться, в том числе и в негативную сторону. Она писала, что в период технических перемен трудности и конфликты являются неизбежными, и одной из наиболее существенных задач является выработка стратегии сохранения культурной идентичности и уникальности; любые нововведения должны согласовываться с устойчивыми, привычными для носителей определенной культуры традициями и поведением, «все изменения должны вводиться с максимально возможным согласием и участием тех, чья повседневная жизнь будет от них зависеть»³ [3, с. 289]. Очевидно, что эта проблема была близка и Японии, которая стояла перед выбором своего развития как с точки зрения международной политической модели, так и со стороны выбора вектора технологического и экономического развития.

Более рельефными в отношении изучения уникальности содержания культур, в частности японской, выглядят исследования Рут Бенедикт, которая стала одной из

³ Mead, M. Cultural patterns and technical change / M. Mead. – New York: Library of Congress, 1955. – 352 с

последователей Боаса, создав оригинальную концепцию типологии и уникальности культур.

Она никогда не была в Японии и не знала японский язык, но стала одним из специалистов в японоведении, разработав методику дистанционного изучения культуры. В качестве исследовательской базы ею были задействованы материалы дневников японских военнопленных, результаты анализа научной и художественной литературы, просмотра японских кинофильмов, опроса проживающих в США японцев. На основе полученных данных Бенедикт была написана книга «Хризантема и меч». Умберто Эко назвал его самой удивительной книгой о Японии, которую ему только доводилось читать. Несмотря на то, что исследование получило далеко неоднозначную оценку как среди европейских и американских ученых, так и у японских специалистов, оно по-прежнему вызывает неподдельный интерес в силу глубокого проникновения в базовые характеристики, паттерны японской культуры.

Появление труда было обусловлено не столько теоретическими, фундаментальными исследовательскими причинами, сколько практическими, военно-политическими факторами – американцы столкнулись с совершенно неприемлемыми с их точки зрения, абсолютно иными стратегией и тактикой ведения войны: «Принятые западными народами как факты человеческой природы условные правила ведения войны явно не признавались японцами. Из-за этого война на Тихом океане превратилась в

нечто большее, чем ряд десантов на островном побережье, чем трудноразрешимая задача материально-технического обеспечения армии. Главной проблемой стала природа врага. Чтобы справиться с ним, нужно было понять поведение японцев»⁴

Изучение модели поведения японцев на войне привело Рут Бенедикт к глубинному исследованию японской культуры. Стратегия изучения ученой была сосредоточена на выявлении тех «обыкновений», которые делают одну культуру отличной от другой – Японию страной японцев, ...Соединенные Штаты страной американцев, Францию – страной французов, Россию – страной русских»⁵. Под «обыкновениями» Бенедикт, как можно определить из контекста «Хризантемы и меч» и других ее трудов, понимала привычные модели поведения и мышления, в основе которых лежит определенная система ценностей, связей и отношений между людьми, с одной стороны, между обществом и окружающим миром, природой – с другой.

Смыслы японской культуры раскрываются автором через социальные связи (отношения), на основе изучения нравственных ценностей и норм, через модель воспитания детей и эмоциональный круг отношений. Следует отметить, что предложенная стратегия исследования была

⁴ Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: РОССПЭН, 2004. с. 5

⁵ Там же, с.13

направлена на выявление типичных, модальных, базовых паттернов, присущих японской культуре. При этом Бенедикт всегда подчеркивала, что общая модель не исключает индивидуальных конфигураций мышления и поведения. Для ученого было важно определить взаимозависимость между культурой, психологией (ментальностью) и личностью. Однако, как нам представляется, первостепенной оказалась задача экспликации «обыкновений» и их влияния на поведение японцев.

Центральное место в социальных связях отведено культурной норме «занимать должное место». Она означает «нормальность» и даже необходимость социальной иерархии, которая распространяется не только на японское общество, но и относится к другим культурам и государствам. Так, в Императорском рескрипте было заявлено: «Правительства Японии, Германии и Италии считают обретение всеми странами мира должного места в нем... предпосылкой для сохранения мира»⁶, а в меморандуме американским властям накануне нападения на Перл-Харбор указывалось следующее: «Неизменный политический курс японского правительства направлен на получение каждой страной возможность занять должное место в мире»⁷.

Однако социальная иерархия не была равнозначна авторитаризму (во всяком случае применительно к собст-

⁶ Там же, с. 34

⁷ Там же, с. 35

венной, японской, культуре и государству): за каждым членом японского общества, исходя из его принадлежности к полу, возрасту, социальной группе, закреплена система определенных обязанностей и функций. Иерархия является скорее горизонтальной, нежели жестко вертикальной. Необходимо также помнить, что японская культура в ее социальном измерении строится на принципах так называемой семейной организации. Так, применительно к исследованию корпоративных культур Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тёрнер выявили, что культура типа «семья», с одной стороны, «поддерживает индивидуума, ратуя за тесные отношения между членами коллектива, а с другой стороны, является иерархической в том смысле, что “отец” семьи имеет значительно большую власть, чем “дети”, особенно если они молоды. ...Этот тип власти не несет в себе угрозу человеческой свободе...»⁸. Иерархия семейного типа иницирует ответственность всех членов общества-семьи за победы и неудачи, но прежде всего, главы семьи, корпорации или иного сообщества. В этом отношении и в настоящее время в японской культуре мало что изменилось: глава, босс уподобляется отцу, который должен заботиться о семье. Очевидно, что это один из устойчивых паттернов японской культуры, делающей ее уникальной.

⁸ Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск: Попурри, 2012. с. 322

Еще одной базовой ценностью, на основе которой выстраивается конфигурация японской культуры, является долженствование. На наш взгляд, японскую культуру как определенный тип можно было бы обозначить как культуру долга, долженствования, суть которой состоит в наличии закрепленных за каждым видом деятельности, отношений и даже познанием комплекса обязанностей. В концентрированном виде система долженствования закрепляется в категории «он». Ее перевод на русский язык сложно передать адекватно: его смысл охватывает широкий круг человеческих отношений и связей между человеком и миром. Тем не менее «он» включает преданность, верность, груз, долг, обязанность, любовь. Для того, чтобы понять его значение, Бенедикт приводит пример с преданностью Хати, пса, который и после смерти хозяина продолжал встречать его с работы. Этот хрестоматийный образ (рассказ был предназначен для чтения на уроках этики) демонстрирует, что любовь – это и верность, и внимание, и забота, и долг. Это то, что включает в себя и почтительность сына к матери, его «он» своей матери – комплекс чувств и обязанностей за то, что сделала для него его мать. «Он» предполагает «возвращение этого долга и поэтому означает любовь. Первичное же его значение – долг, но для нас любовь – это то, чем мы делимся свободно и что не обременено обязанностями»⁹.

⁹ Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: РОССПЭН, 2004. с. 73

«Он» имеет, можно сказать, свои ипостаси, проявления: «он», полученный от императора, от родителей, от хозяина (работодателя), учителя и т. д. Помимо категории «он», важное значение имеет «*гири*», который необходимо отдать обязательно и срока давности по его оплате не существует (долг семье, своему имени); «*нимму*» – долг своей работе, который также предполагает избегание неудач, ответственное к ней отношение и т. п.

Такого рода регламентация разных сфер жизни создает ощущение замкнутости, консервативности японской культуры. Возможно поэтому японцы – нация, представители которой в условиях иной культуры адаптируются медленно и далеко не всегда удачно. На этом фоне парадоксально выглядит модель воспитания, принятая в японском обществе. Общеизвестным стал свободный стиль воспитания, который предполагает до пяти-шестилетнего возраста отсутствие каких бы то ни было ограничений для малыша. Бенедикт проводит интересную аналогию его модели в сопоставлении с американской.

Сложная система «долгов» не мешает японцам уметь получать эстетическое удовольствие, наслаждение от самых обычных вещей и явлений жизни и природы. Возможно, это является следствием устойчивости культа почитания живой природы, укорененной в синтоизме и буддизме, который, как полагал А.Н. Игнатович, «предложил, может быть, наиболее разработанное учение о бытии, одним из базисных компонентов которого является «среда обита-

ния» (включающая природу, как таковую) и которое подчеркивает принципиальное единство человека (как живого существа) и природы (как «среды обитания»)»¹⁰.

Японская эстетика не представляет собой отдельную сферу, замкнутую в пределах четких границ и принципов, – она пронизывает все области человеческого бытия; искусство становится жизнью, а жизнь искусством. Общеизвестными являются факты восхищенного, экзальтированного любования цветущей сакурой, обязательное восхождение на Фудзияму. Однако круг человеческих чувств и отношений отделен от сферы профессиональной деятельности, дела и должного места, которые выполняет и занимает человек.

Японская культура содержит ряд эстетических принципов, среди которых особый интерес вызывает сатори – просветление, познание мира, восприятие мира «вчувствованием», созвучное постмодернистской чувствительности. Сутью этого эстетического принципа японской культуры и мировоззренческой установки постмодернизма является утверждение равнозначности и необходимости всех форм познания и видов духовной деятельности: нет серьезного и несерьезного, низкого и высокого, чистого и грязного¹¹.

¹⁰ Игнатович, А. Н. «Среда обитания» в системе буддийского мировоззрения / А. Н. Игнатович // Человек и мир в японской культуре: сб. статей. – М.: Наука, 1985. С. 49.

¹¹ Усовская, Э. А. “Постмодерністська чутливість” і принципи японської естетики / Э. А. Усовская // Веснік. – 2005. № 1 (3–4). С. 85–87.

Исследование Бенедикт подтвердило многогранность, необычность для американского или европейского взгляда японской культуры. Сравнительный анализ, который она провела, показал межкультурные различия и стал свидетельством невозможности грубого противопоставления так называемых восточных и западных культур.

Благодаря Бенедикт, а также Наканэ Тиэ, Минами Хироси и Дои Такэом в культурантропологический дискурс было введено понимание японской культуры как «культуры стыда», культуры «вертикального общества» и «общества зависимости». Как отмечает Хамагути Эсюн, «японцы в этих концепциях характеризуются как совершенно гомогенный народ, где отдельный человек лишен в своих действиях автономии, не имеет своего мнения и намерен похоронить себя в группе или организации, к которой принадлежит»¹². Однако такой подход подвергался и подвергается в настоящее время критике – японское общество и культура выглядят несколько одномерно, без, скажем, учета культурно-исторических контекстов второй половины XX – начала XXI вв., изменений в сфере межпоколенных связей, трансформаций, вызванных технологическими инновациями и т. д. В то же время, как нам представляется, подход, предложенный Мид и Бенедикт,

¹² Хамагути, Э. Нихонбункакэнкю-ни окэру «хохоронтэки канкэйтайсюги» («Методологическая контекстуальность» в исследовании японской культуры) / Э. Хамагути // Нихонбункаваисицу ка (Японская культура: действительно иная?). – Токио: Нихонхососюппанкёкай, 1996. – С.280–281.

нацеленный на выявление специфических черт, фундаментальных основ японской культуры, сохраняет свое значение.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бенедикт, Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры / Р. Бенедикт. – М.: РОССПЭН, 2004. – 255 с.
2. Игнатович, А. Н. «Среда обитания» в системе буддийского мировоззрения / А. Н. Игнатович // Человек и мир в японской культуре: сб. статей. – М.: Наука, 1985. – С. 48–71.
3. Тромпенаарс, Ф. 4 типа корпоративной культуры / Ф. Тромпенаарс, Ч. Хэмпден-Тернер. – Минск: Попурри, 2012. – 526 с.
4. Усовская, Э. А. Культурно-антропологические школы США / Э. А. Усовская. – Минск: БГУ, 2009. – 119 с.
5. Усовская, Э. А. “Постмадэрнісцкая чулінасць” і прынцыпы японскай эстэтыкі / Э. А. Усовская // Веснік. – 2005. – № 1 (3–4). – С. 85—87.
6. Mead, M. Cultural patterns and technical change / M. Mead. – New York: Library of Congress, 1955. – 352 с.
7. Хамагути, Э. Нихонбункакэнкю-ни окэру «хохоронтэки канкэйтайсюги» («Методологическая контекстуальность» в исследовании японской культуры) / Э. Хамагути // Нихонбункаваисицу ка (Японская куль-

тура: действительно иная?). – Токио: Нихонхосююпанкёкай, 1996. – С.280–281.

JAPANESE CULTURE THROUGH THE EYES OF M. MEAD AND R. BENEDICT

E.A. USOVSKAYA

The subject of the article is the approach of the school «Culture and Personality», proposed by M. Mead and R. Benedict to the study of specific features of national cultures, in particular Japanese culture. Specificity of Japanese culture is examined through the identification of its basic patterns – «habits» that permeate all spheres of life, culture and society. The most significant of them is the obligation.

Keywords: culture, approaches to culture research, school «Culture and Personality», M. Mead, R. Benedict, Japanese culture, pattern, duty, poetic thinking.